

Въ одномъ городѣ жилъ богатый-пребогатый купецъ съ купчихою, и былъ у нихъ единственный сынъ, не по лѣтамъ смысленный и удачливый. Звали его Иваномъ. Сидѣлъ онъ однажды съ отцемъ съ матерью за обѣдомъ; а надъ самымъ столомъ соловей въ клѣткѣ такъ и поетъ заливаясь, свищетъ да щелкаетъ, да мелкой, серебристой дробью, какъ разсыплетъ вдругъ... Слушалъ-слушалъ его купецъ, да и не вытерпѣлъ, говорить: «кабы выискался такой человѣкъ, который-бы мнѣ растолковать взялся, про что всякая птица распѣваетъ, такъ я бы ему готовъ былъ и при жизни полъ-имѣнія отдать». И запали эти слова Ивану, купеческому сыну, въ голову; ходитъ онъ, бродитъ, да только о томъ и думаетъ, какъ бы ему птичьему языку выучиться.

Не много не мало прошло послѣ того времени, и случилось быть Ивану, гостинному сыну, въ лѣсу на охотѣ; и застала его въ лѣсу гроза страшная-престрашная, съ громомъ съ молніей, съ дождемъ-проливнемъ.... Укрылся онъ отъ дождя подъ дерево и видитъ, что на томъ деревѣ гнѣздо у какой-то большой птицы свито, и въ томъ гнѣздѣ сидятъ четыре птенца, отъ холоду дрогнуть, подъ ливнемъ мовнуть, пищать жалобно таково. Сжалился Иванъ надъ

бѣдными птенчиками, взлѣзъ на дерево, да и прикрыль гнѣздо своимъ кафтаномъ. Только прошла гроза, прилетаетъ къ тому дереву большая птица, садится на вѣтку, и говоритъ человѣческимъ голосомъ: «Иванъ, гостинный сынъ! ты моихъ птенцовъ отъ дождя да отъ холода укрыль, я у тебя въ долгу. Требуй отъ меня, чего душа твоя желаетъ». Отвѣчаетъ Иванъ: «ничего мнѣ отъ тебя не надобно — у меня все есть, нужды ни въ чемъ не знаю. Развѣ вотъ что: не научишь ли ты меня птичьему языку? «Какъ не научить — поживи со мной три дня, и будешь все понимать, что между собою птицы говорить при тебѣ станутъ». Пожилъ Иванъ въ лѣсу три дня и сталъ птичій языкъ понимать и вернулся домой смышленѣе прежняго.

Прошло еще сколько-то времени, и вотъ сидитъ онъ однажды съ отцемъ съ матерью за столомъ, а соловей въ клеткѣ что-то уныло да жалобно такъ распѣваетъ, что даже сердце отъ его пѣсенъ щемить стало у купца и жены его. А Иванъ, какъ услышалъ эту пѣсню, такъ и залился горячими слезами. «Что ты плачешь, сынъ любезный?» спрашиваютъ Ивана родители. «— Оттого я плачу, что языкъ птичій разумѣть сталъ, и слышу, что соловушка не доброе намъ всемъ предвѣщаетъ».... «Что же такое? Говори безъ утайки!»—«А то, что лучше бы мнѣ и на свѣтъ не родиться!»...—«Полно пугать-то, скажи толкомъ, коли точно ты его пѣснь разумѣешь, что ты въ ней выслушалъ недобраго?»—«Да развѣ вы не слышите, что соловей - то поетъ:

Придетъ пора время Ивану царевичемъ быть,
А отцу у него же слугою служить».

Огорчился этими словами купецъ, и не захотѣлъ сыну вѣрить. «Видно онъ на насъ замышляетъ что нибудь не доброе, что съумѣлъ у соловья въ пѣснѣ такое дурное выслушать». Посовѣтовался купецъ съ женою и рѣшились они своего сына съ рукъ сбыть во что бы то ни стало. Въ темную осеннюю ночь опоили они сына соннымъ зельемъ, снесли его соннаго въ лодку, бѣлый парусъ на ней подняли, оттолкнули лодку отъ берега и пустили въ открытое море.

Носило-носило лодку по морю и наткнулась она на большой купеческій корабль, какъ наткнулась, такъ и проснулся отъ того толчка Иванъ, гостинный сынъ. Увидали его корабельщики, сжалились надъ нимъ и взяли къ себѣ на корабль. Бдуть они по морю, и видитъ Иванъ, что летятъ надъ кораблемъ журавли, громко между собою турлыкаютъ. И гово-

рить Иванъ корабельщикамъ: «смотрите, берегитесь, я вонъ слышу, о чемъ журавли между собою говорятъ: подымется буря, поломаеть мачты, оборветъ паруса; лучше впередъ не плывите, а назадъ на становище ворочайтесь». Не послушали Ивана корабельщики, поплыли дальше; и поднялась вскорѣ жестокая буря, поломала мачты, оборвала паруса, много убытка надѣлала. Пришлось имъ на становище возвращаться, корабль свой чинить. Только что они корабль починить успѣли, только поплыли дальше, а надъ кораблемъ летятъ большой стаей гуси-лебеди, и громко прегромко о чемъ-то между собою гогочуть. И говорить Иванъ корабельщикамъ: «смотрите, берегитесь, я слышу о чемъ гуси-лебеди говорятъ: идутъ намъ на встрѣчу разбойничьи корабли, хотятъ насъ заплонить и ограбить. Лучше вернитесь на прежнее становище». На этотъ разъ послушались корабельщики Ивана-гостинаго сына—вернулись на становище и видѣли, какъ пробѣжали мимо разбойничьи корабли и какъ они другіе корабли грабили и въ полонъ брали.

Выждали корабельщики, сколько было надобно, и поплыли дальше. Присталъ ихъ корабль къ одному дальнему заморскому городу. А у тамошняго короля ужъ много лѣтъ сряду передъ дворцовыми окнами летаютъ и кричатъ воронъ съ ворониhoю и съ вороненкомъ, да такъ-то громко кричатъ, что отъ нихъ никому ни днемъ, ни ночью покою нѣтъ. Что ни дѣлалъ король, какихъ хитростей ни придумывалъ, чтобы ихъ отъ дворцовыхъ оконъ отвадить—ничто не помогаетъ. И приказано было отъ короля прибить на всѣхъ перекресткахъ грамотку, въ которой было прописано: «кто сможетъ избавить короля отъ ворона съ воро-

нихю, тому король дастъ въ награду полцарства своего и младшую королевну въ жены; а кто, взявшись за такое дѣло, да дѣла не сдѣлаетъ—тому голова съ плечь!» Прочиталъ Иванъ грамотку и пошелъ къ королю, взялся его отъ ворона съ ворониhoю избавить. Велѣлъ онъ открыть то самое окно, около котораго воронъ съ ворониhoю летали, прислушался къ ихъ карганью, да и говоритъ королю: «здѣсь трое летаютъ, мужъ—воронъ, жена его—ворониха и ихъ сынъ—вороненокъ; воронъ съ ворониhoю много лѣтъ спорять, кому долженъ принадлежать сынъ—отцу или матери? Сами они поладить въ этомъ дѣлѣ никакъ не могутъ, и ждутъ твоего королевскаго рѣшенья. Скажи же, кому ты сына присудишь?» Король говоритъ: «отцу!» И только сказалъ онъ—воронъ съ вороненкомъ полетѣли вправо, а ворониха—влѣво. И отдалъ король Ивану, гостиному сыну, полцарства своего, и младшую королевну въ жены. Зажилъ Иванъ въ томъ царствѣ счастливо и богато, и много лѣтъ жилъ съ женой своей душа въ душу.

А отецъ его, между тѣмъ, овдовѣлъ и обѣднѣть успѣлъ.

Мало по малу, отъ бѣды да къ бѣдѣ, дошелъ онъ до того, что пришлось ему нищимъ быть, подъ окнами милостыни просить. Ходилъ онъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, и добрелъ случайно до того города, гдѣ пришлось найти свое счастье Ивану-гостиному сыну.

Пришелъ онъ ко дворцу и просить подъ окошкомъ милостыни. Увидѣлъ его изъ окна Иванъ-королевичъ и велѣлъ привести во дворецъ. Напоилъ онъ ста-

рика, накормилъ, да и спрашиваетъ: «чѣмъ бы я могъ помочь тебѣ, старичекъ?» — «Ужь коли будетъ на то такая милость твоя, такъ прикажи мнѣ здѣсь при дворѣ твоємъ остаться, да прими меня въ число слугъ твоихъ: я готовъ служить тебѣ вѣрою и правдою». — «Вотъ то-то, батюшка, не хотѣлъ ты вѣрить соловьевой жалобной пѣснѣ—а вѣдь вотъ пришлось таки намъ встрѣтиться, какъ онъ тогда въ своей пѣснѣ сказывалъ!» Старикъ испугался, хотѣлъ передъ сыномъ-королевичемъ въ ноги пасть, да тотъ не допустилъ; крѣпко обнялись они, и поплакали на радостяхъ...

Вотъ ужъ какъ первую-ту радость они отбыли, отецъ и рѣшился спросить у Ивана: «какъ же это ты, сынокъ, не утонулъ, какъ мы тебя соннаго-то въ море въ челнѣ отпустили?» — «Видно, батюшка, не на то я родился, чтобы утониться, а на то, чтобы на королевнѣ жениться».

